

ПОД ЛИТЕРАТУРНЫМ РУКОВОДСТВОМ М. ГОРЬКОГО

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

После долгого политического затишья и тусклых литературных будней в начале 1900-х годов стал очевиден резкий подъем рабочего движения, а в литературе — быстро восходящая слава нашего великого земляка — М. Горького, жившего тогда в Н.-Новгороде.

Рабочее движение проявилось в целом ряде крупных забастовок и уличных политических демонстраций, в том числе и у нас, в Сормове и Н.-Новгороде (1902 г.). Как бы приветствуя освободительное движение рабочего класса, М. Горький написал знаменитую «Песню о буре».

За литературным развитием внимательно следил наш нижегородский кружок начинающих поэтов, выходивших из рабочих и крестьян, которых составляли Ал. Белозеров, Ник. Новиков*), Ал. Суслов и сормовичи — Сем. Тихий (П. С. Кожков), Ал. Бобытин и столяр Гр. Чулов. Среди нас были некоторые разногласия во взглядах на поэзию, но в общем кружок следовал пушкинской реалистической школе и неерасовским традициям гражданственности. С последним не вполне соглашался только А. Суслов, поклонник так называемой «чистой поэзии», но и он впоследствии отказался от этого принципа.

*) Ник. И. Новиков умер 3 февраля 1933 г. в Казани. Последние годы он работал в газете «Красная Татария», а потом в Наркомхозе.

Ал. Ник. Суслов умер в том же году, в г. Горьком.

Мы нуждались в деловых указаниях и советах, в объективной и авторитетной оценке своего творчества. Таким авторитетом, естественно, стал М. Горький. К нему-то и началось паломничество нашего кружка. При-

нимал М. Горький нижегородских поэтов всегда безотказно и радушно.

Первым посетил его весной 1900 г. Ник. Новиков, начавший писать стихи еще в деревне. Он в своих стихах стремился отразить прежде всего крестьянский быт и его темноту, причем местами длинно и поучительно философствовал... Просмотрев тетрадь его стихотворений, М. Горький сразу заметил:

— Зачем эти длинноты и сугубое желание поучать?.. В стихах это не годится. В стихе должна быть музыка, образность, скатость формы и оригинальность...

Горький дал поэту кипу книг по истории русской и общей, кое-что из беллетристики, рекомендовал заходить к нему почаще за книжками. Прежде чем дать отзыв о стихах, Алексей Максимович всегда подробно расспрашивал приходящих к нему о том, что они читали, и каждый раз советовал прочесть что-либо новое...

Заинтересовавшись Н. Новиковым, М. Горький спросил:

— Сколько вам лет и что вы сейчас делаете?

Узнав, что Новиков крестьянин и готовится к переходу в барскую экономию в батраки, заметил:

— Это ничего, что в батраки. В батраках, знаете, наблюдайте жизнь... Это пригодится. А там — переедем в город...

Действительно, Н. Новиков скоро переехал в город. Он устроился библиотекарем в Пушкинской библиотеке-читальне (была такая на Нижнем базаре, в конце

Зеленского с'езда) и здесь прочитал массу хороших книг. В том же 1900 году он выпустил свой сборник «Стихотворения крестьянина» (изд. Бабурина), в котором признавался: «Прочтен был Пушкин славолюбчивый, потом талантливый прасол (Кольцов), Иван Никитин полускудный» и т. д.

Осенью того же года Н. Новиков зашел к М. Горькому уже вместе с другим начинающим поэтом—Алексеем Сусловым, работавшим в качестве делопроизводителя у нотариуса А. А. Олигер. У Суслова были преимущественно небольшие, изящные вещицы—«поэтика под Тютчева и Фета», а у остальных из кружка преобладали гражданские мотивы. В разговоре с ними М. Горький, дополнительно к уже сказанному, высказал свои соображения о поэзии. Он, между прочим, советовал «записывать то, что выливается из души».

— Не стремитесь много писать, а старайтесь выработать свой стиль и свою форму,—напутствовал он молодых поэтов.

Мы, как почти все начинающие поэты, болезненно преувеличивали свое значение в жизни и поэзии. Отсюда—тщеславное самознание, высокопарность стиля. Если гениальный Пушкин писал:

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,—то нам казалось, что и мы можем сказать о себе нечто подобное. Например, А. Суслов писал, что «зрел себя поэтом в златом венце и в пламенем в очах», что «держал лиру перед светом и громко пел, волнуя кровь в сердцах». И дальше: «кругом я слышал гром рукоплесканий, к моим ногам народ цветы бросал» и т. д. У Н. Новикова в одном из стихотворений говорилось: «Мой голос, так колокол правды, звучал...».

Все это, конечно, не могло не вызвать улыбки у М. Горького, и он добродушно указывал Новикову:

— Вот если бы вы получили познаться с тем, о чем пишете, если бы жизнь как следует помогала вас самих, тогда и стихи у вас вылились бы правдивее... Где и когда ваш «голос звучал колоколом правды»? Это выдумка...

Горький не раз говорил поэтам, что в их стихах нехватает оригинальности, и при этом указывал, что можно учиться и на стихах К. Балльмонта, Мирры Лохвицкой и Ив. Бунина. Из Балльмонта он, между прочим, рекомендовал стихотворение «Колокольчики и колокола» (переводное из Эдгара Поэ).

— Или вот напишите что-нибудь вроде «Авчара» Пушкина или «Утеса» Лермонтова. Несомненно, вас напечатают и похвалят,—говорил он тому же А. Суслову.

Поставленная Горьким задача нашему кружку была, конечно, не по силам. Все же некоторые из стихотворений Суслова М. Горький находил удовлетворительными.

— Вот это стихотворение вовсе чудовно сделано,—указал он на стихотворение «Звезда».—Только нехватает оригинальности... Все-таки его можно напечатать в «Нижегородском листке».—добавил он. И это стихотворение действительно было напечатано.

М. Горький советовал больше работать над собой, повышать культуру, больше читать, основательно осмысливать прочитанное, не торопиться писать и печататься. Как и Новикову, он говорил Суслову:

— Вам нужно еще учиться. Не торопитесь печататься. После, когда достаточно разовьетесь и будете писать лучше,—вам будет стыдно своих прежних промахов. Приходите ко мне за книгами, буду давать, какие найдутся.

И поэты ходили к М. Горькому за книгами и советами. Однажды, когда Н. И. Новиков близка познакомился с писателем, просил его высказать мнение о других наших товарищах, рабочих-поэтах сормо-вниках Семене Тихом и Алексее Борятине.

М. Горький удивленно спросил: «А разве есть такие?» и, получив утвердительный ответ, просил Новикова передать им, чтобы зашли к нему побеседовать.

Во время этой беседы с Н. И. Новиковым М. Горький высказал еще более полно и четко свой взгляд на поэзию и на поэтов. Он говорил:

— Если они (поэты) поставят, прежде всего, дело жизни, а с делом свяжут живыми нитями поэзию—только выйдет. Отвлеченность, дидактика—смерть для поэзии, ибо поэзия, музыка—битва, все оттенки пульса жизни, но только не школа-стихи.

Любопытно, между прочим, что Горький, как бы для иллюстрации сказанного, привел в пример стихи Бальмонта. — Помню, те, — говорил он Новикову, — у Бальмонта есть такие строки:

Я спросил у могучего моря,
В чем великий завет бытия?
Мне ответило звучное море:

«Будь всегда полнозвучным, как я».
Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зарей?
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

Заходили к А. М. Горькому и сормовичи Сем. Тихий и Ал. Кобытов, а я передавал свои стихи на отзыв А. М. через близкого нам серьезного студента Бор. Морковина. И каждый раз мы получали от А. М. весьма ценные конкретные указания и советы.

Весной 1905 г. нами был выпущен первый коллективный сборник стихов под названием «Весенний шум». Все стихи были на гражданские мотивы. Они свидетельствовали о переломе и в поэзии «фетовца» Суслова.

Под влиянием надвигающейся революции 1905 г. и советов М. Горького наш кружок выправлялся идеологически. Сборник был первой ласточкой рабочей поэзии Нижегородского края.

АЛ. БЕЛОЗЕРОВ.